

Пробуждение в Париже. Родиться заново или сойти с ума?

Автор:

[Соня Чокет](#)

Пробуждение в Париже. Родиться заново или сойти с ума?

Соня Чокет

Новая реальность

Раздавленная неожиданным тяжелым разводом, Соня Чокет бросает прежнюю жизнь и переезжает в Париж, город, с которым ее связывают счастливые воспоминания юности. Соня – известный в Америке духовный наставник и коуч, в своей работе она уже помогла тысячам людей обрести новую жизнь. Однако справится ли она с чередой препятствий, которые приготовил для нее город мечты – Париж? Писательница щедро, с тонким юмором и самоиронией потчует читателей забавными историями своих неудачных знакомств с французскими парикмахерами и косметологами, своими авантюрами в мире французской моды, вечным поиском идеального жилья, без... привидений и голубей. Ее дружба с Парижем, городом-в-себе (или не-в-себе?), никогда не перестает наполнять ее восторгом, удивлением и счастьем.

Соня Чокет

Пробуждение в Париже. Родиться заново или сойти с ума?

© Табенкин М.Л., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Я бы хотела посвятить эту книгу моим двум чудесным дочерям: Соне и Сабрине Чокет-Тулли. Вы поддержали меня в час отчаяния и вместе со мной шли навстречу свету. Для меня нет большего счастья, чем вы, две прекрасные женщины, спутницы моей души и лучшие подруги в моей жизни. А также прекрасному духу Парижа. Ты пробудил во мне подлинную красоту моей души и помог увидеть ту же красоту во всем и вся.

Часть первая

Все кончено

Пролог

Как духовный учитель, наставник и экстрасенс, я не раз замечала, что многие от природы тянутся к духовности, будь то в медитации, пробуждения экстрасенсорных способностей или связи с высшей осознанностью. Тянутся, потому что чувствуют – эти практики поддержат в борьбе с неизбежными трудностями и разочарованиями. Они надеются, что духовность станет бронжилетом, защищающим их от психологической боли.

Вообще-то духовное пробуждение полезно именно потому, что помогает смириться с собственной уязвимостью, сложить оружие, открыть наши чувствительные сердца, смело относиться ко всему происходящему и встретить его с распростертыми объятиями. Этот отказ от притязаний нашего собственного эгоизма есть призыв к настоящим отношениям сперва с самим

собой, затем и с другими.

Когда мы совершенно прозрачны, открыты всем своим переживаниям и чувствам, свободны от критики, тогда только мы способны на истинную любовь к себе и сострадание, тогда только способны на глубокую любовь и сострадание к другим. Чтобы жить духовной жизнью под верным руководством, мы должны смириться с собственной хрупкостью и превратностями судьбы. Должны не только противостоять испытаниям, но и быть готовыми закалиться в кузнице. Это значит, что надо быть готовым ко всему, что ждет впереди, не убегать, не бояться. Для такой жизни требуется мужество – слово, произошедшее от французского слова «соеиг»[1 - В оригинале «courage» (англ). Прим. перев.], что в переводе означает «сердце».

Если хочешь жить с открытым сердцем, избавься от контроля, оседлай волну перемен. Работа грязная, мучительная, порой унижительная, но игра стоит свеч. По крайней мере, так было со мной.

Крушение

Намечался торжественный вечер. Я должна была выступать перед тысячной аудиторией. Это было одно из крупнейших мероприятий, которое я когда-либо проводила как духовный учитель и писатель. Я собиралась представить свою только что вышедшую книгу «Неудержимая. Тысяча километров пешком по легендарному пути Камино де Сантьяго»[2 - «Неудержимая. Тысяча километров пешком по легендарному пути Камино де Сантьяго», М.: Эксмо, 2017 год. Прим. перев.]. В ней я вспоминала события двухлетней давности: как через шесть тяжелейших недель, последовавших за потерей двух близких мне людей, я отправилась в поход длиной восемьсот километров по Камино де Сантьяго[3 - Камино де Сантьяго (Путь Святого Иакова) – знаменитая паломническая дорога к могиле апостола Иакова Зеведеева в испанском городе Сантьяго-до-Компостела. Прим. перев.]. Как еще через два месяца я неожиданно рассталась с человеком, с которым прожила в браке более тридцати лет.

Этот путь славится своей способностью исцелять, ибо чувства утраты и горя на нем сменяются принятием и прощением, которых мне в моем подавленном душевном состоянии тогда отчаянно не хватало. Все больше и больше задыхаясь под гнетом горя и мучительной мигрени, я, совершенно разбитая, едва тащилась по дороге. Но так начался мой величайший духовный и физический путь, который продолжается до сих пор. Через пять недель самокопания я завершила паломничество и возвращалась домой с глубоким удовлетворением и принятием, ранее неведомыми моей душе. Я захотела поделиться своими переживаниями в надежде, что они смогут принести мир тем, кто, как и я, столкнулся с горем и утратой.

Увы, после возвращения домой мое умиротворенное состояние продлилось очень и очень недолго...

Пятнадцать месяцев назад, в августе, вернувшись из паломничества, я поверила в Камино де Сантьяго, ибо не прошло и месяца, как позвонил Патрик. Блудный муж заявил, что любит меня и хочет воскресить наш брак. Это ли не чудо?

Потрясенная и безмерно счастливая, я подумала, что если мы хотим снова воссоединиться, то должны пройти Путь вместе. Я, только что испытавшая на себе его благотворное влияние, считала, что в переносном смысле это путешествие избавит нас от тяжкого бремени прошлого, откроет новые горизонты, мы будем вместе, будем верить друг другу отныне и вовеки. Патрик не возражал, и перспективы вырисовывались самые радужные – для меня, для него, для всей семьи.

Мы запланировали поход на июнь, и следующие десять месяцев прошли в трудах – мы искали компромиссы и восстанавливали отношения. Патрик жил тогда в Колорадо, я – в Чикаго, так что поездки друг к другу отнимали немало времени. Было нелегко, но мы держались.

Зная по собственному опыту, сколько сил потребует второе путешествие, я начала готовиться к нему заранее.

В отличие от первого раза, когда сборы затянулись до последнего, теперь я хорошо представляла себе, что меня ждет, но надеялась: в нашем совместном походе вполне смогу положиться на Патрика. Он, в отличие от меня, сложен атлетически. Я прекрасно помнила, как, изнемогая, брела по Пути, и не хотела,

чтобы эти воспоминания помешали нашему исцелению. Нет, на сей раз я буду сильной и выносливой. Теперь ему, вырвавшемуся далеко вперед, не придется в нетерпении ждать, когда я его догоню – как это слишком часто бывало в последние годы. Нет, мы пройдем Путь бок о бок.

Для похода я купила новую обувь, так как старая была тесной. Я чуть не переломала ноги, поэтому знаю, о чем говорю. Понимая, как важно идти налегке (в первый раз мне это и в голову не пришло), теперь я тщательно отобрала одежду и ограничилась минимумом снаряжения. Хотелось отказаться от всего лишнего.

Я прекрасно понимала, что в этом путешествии я должна подлаживаться под Патрика, а не он под меня. Все эти годы я поступала ровно наоборот, и из-за этой моей глупости наш брак уже много лет трещит по швам, принося обоим одно лишь раздражение. И я пошла в спортзал. Тягала гантели, приседала и выжимала штангу – делала все, чтобы стать сильной и выносливой. Я знала, что эти физические упражнения помогут мне не отстать от Патрика, что они важны не столько для меня, сколько для него.

Я заказала билет и принялась заново составлять маршрут путешествия, полагая, что у Патрика свои планы насчет нашей встречи в Испании в первый летний день.

А теперь представьте себе мой ужас, когда за пять недель до нашего отлета в Испанию я получила письмо от моего адвоката о том, что Патрик и не собирается отменять развод, на чем сам настаивал, а лишь откладывает его на «неопределенный срок» – до нашего возвращения. Посмотрит, как пройдет паломничество – тогда и примет решение.

Какой удар по моему самолюбию! Условия были неприемлемы. В результате Патрик все же попросил развод. Поход отменялся.

Все было кончено. Меня как громом поразило. Патрик присутствовал на суде лично. Я послала адвоката. И вот я собираюсь в поход одна, снова лечу в Испанию, разве что на сей раз еще более убитая и раздавленная.

Этот поход, как и первый, занял больше пяти недель. На сей раз мои беседы с Богом не были ни длительными, ни задушевными. Я лишь роптала на пустоту

внутри себя, на предательство, но в глубине души оставалась к Нему равнодушной.

Я не заходила в церкви, не зажигала свечей, не возносила благодарственные молитвы. Лишь просила Богородицу, чтобы Она не оставила меня на моем пути.

А пока я, раздавленная оскорблением, брела по Испании, мой уже бывший муж приехал в дом и вывез все свои вещи, – даже фирменную кухонную плиту. Покидая дом, он запостил сообщеньице в Фейсбуке для наших общих знакомых: «НАКОНЕЦ свободен».

Когда я в конце июля вернулась домой, он был затоплен. Вскоре после моего отъезда прорвало канализацию, она поднялась из подвала, пропитала ковры, да так и встретила меня. Дом был пуст без хозяйского глаза.

Плесень из зловонной канализации захватила весь дом, подвал прогнил насквозь. Эта гниль так отвечала моему внутреннему состоянию, что хоть смейся. Но я разрыдалась.

Почему жизнь так обернулась? Все, чему я посвятила последние тридцать два года, рухнуло в одночасье. Сердце нашего домашнего очага не билось, фундамент прогнил, как труп, обреченный догорать в печи крематория.

Благодарю Бога за двух моих взрослых дочерей – Соню и Сабрину. Они были посланы Богом, чтобы собрать нашу семью из осколков.

Я выкинула последнюю ниточку от сгнившего ковра и рассохшуюся мебель и только лишь принялась намыливать руки, как вдруг поняла, как закончу мою книгу. Мне казалось, что я пишу ее целую вечность – осталось ли во мне что-то от той бодрой оптимистки, какой я была какой-то год назад?

И вот в конце сентября я снова там, откуда начался мой путь. Четыре месяца после развода, сто километров до дома Патрика в Колорадо. И когда мне предложили поведать тысячной аудитории о моем самоотверженном путешествии по Испании, я не испытала ни радости, ни восторга – нервы в лохмотьях, сердце разбито, глаза всякую минуту на мокром месте.

Соня предложила поехать со мной в Денвер. Дело в том, что Соня и Сабрина, окончив университет, стали полноправными партнерами моих мероприятий: организовывали музыкальное сопровождение и транспорт. На сей раз была Сонина очередь.

Стоило нам приземлиться в Денвере, как события последних двух лет накрыли меня гигантской волной – смерть отца и брата, разрыв с мужем, двойной поход по Камино де Сантьяго и в финале этот неожиданный, нежеланный развод... Мы еще не успели арендовать машину, а мое лицо уже стало мокрым от безудержных слез.

По пути в гостиницу мои горестные всхлипывания от непереносимой душевной боли перешли в стоны, и я снова зашлась в рыданиях. Никогда со мной такого не было. Поверьте, румынская кровь в моих жилах не раз и не два в жизни толкала меня на душераздирающие сцены. Но на этот раз я превзошла себя!

Как только мы зарегистрировались в гостинице, Соня заставила меня прилечь на кровать и задернула занавески. Она положила мне на голову мокрое полотенце и вышла за дверь. Такая чувствительная девочка – при виде моего состояния сама чуть не плакала.

Она захотела побыть одна – ведь ей было так тяжело видеть мое состояние. Я была не против. Прежде чем выйти за дверь, Соня предложила отвезти меня в больницу.

Я по привычке стала отказываться. Впрочем, на этот раз сама не знала, чего хочу, и это пугало. Раньше, когда я сильно нервничала, то всегда умела собрать волю в кулак. А тут – не могла.

– Какая больница? У меня выступление вечером, – возразила я. – Нет, все-таки, наверное, надо ехать – я же не смогу говорить. Не знаю. Пожалуйста, реши за меня.

– Ладно, у нас еще есть время, – ответила Соня, оставляя меня одну в темной комнате. – Сейчас только два часа дня, так что до семи можешь лежать и молчать. Подождем. Вдруг наши молитвы будут услышаны?

Понемногу я начала успокаиваться. Нужно встать с постели и приниматься за дела. Надо собраться с силами. Но как?

Тут в комнату вошла Соня и осторожно потрясла меня за плечо. Она выглядела печальной и испуганной. Мой нервный срыв значил для нее слишком много. Она и так довольно натерпелась. Я знала, что не имею права оставлять ее одну.

- Mamочка, тебе не лучше? – спросила она одной лишь ей свойственным нежным и сострадательным тоном.

Я лишь простонала в ответ. Всем моим существом желала ответить: «Да, я в порядке. Что-то сегодня расклеилась. Но ничего. Я уже как огурчик. Забудь про мою слабость. Ну, пожалуйста».

- Надеюсь, – честно ответила я.

Вдруг зазвонил Сонин телефон. Звонила моя Сабрина. Похоже, что, пока я отдыхала, Соня поспешила позвонить ей.

Соня протянула мне трубку:

- Горошинка хочет с тобой поговорить.

- Привет, Горошинка, – сказала я.

Голова раскалывалась.

- Мама, послушай. Соня сказала, что у тебя нервный срыв. Понимаю. Ты столько всего пережила, но я от тебя такого никак не ожидала. Давай договоримся. Если я узнаю, что ты в беде, то всю дорогу по Лейк Шор Драйв[4 - Лейк Шор Драйв – шоссе вдоль озера Мичиган в Чикаго. Прим. перев.], буду молиться о тебе Леве Марии. Выбирай: или мы прямо сейчас возьем тебя в больницу, или ты едешь в Париж. У тебя две минуты.

От такого предложения я буквально лишилась дара речи.

– Что тебе терять, мама? – продолжала Сабрина. – Ты и так уже все потеряла. Послушай моего совета, езжай в Париж. Я поеду с тобой. Я тоже хочу начать все заново. Что скажешь?

Я молчала. Дышала в трубку и обдумывала эту сумасбродную, несуразную, свалившуюся как снег на голову идею. Словно на меня вылили ушат ледяной воды.

Минуту назад я не могла увидеть краешка кровати, на которой лежала.

И вдруг – Париж.

Будто очнувшись после кошмара, я подумала: «Какая разница, где страдать – здесь или в Париже. Верно?»

И я без колебаний согласилась:

– Так и быть, Сабрина. Твоя взяла. Едем в Париж. Как только, так сразу. Отчего не попробовать?

Засиял свет в конце тоннеля. Господь сподобил меня сделать единственный нужный мне в ту минуту шаг.

Я встала и умылась. Вечером смогу выйти на сцену и обратиться к людям. Может, расскажу, что произошло. Камино исцелял, но путь исцеления еще не пройден до конца. Я могла бы рассказать, что все-таки развелась, хотя и надеялась, что все обернется к лучшему. Я хотела донести до них истину, ведомую только мне.

Еще я могла рассказать, что еду в Париж. И рассказала.

Почему Франция?

Не успели мы с Сабриной решить переехать в Париж, как все завертелось. Париж манил, будто оазис в пустыне моей истерзанной души. Тридцать пять лет назад я жила в Париже, когда училась в местном университете по программе международного обмена. Тогда я познакомилась с замечательными людьми, которые стали моими друзьями на всю жизнь.

Но еще до того Франция стала моей духовной родиной. За год до того, как я приехала туда учиться, когда еще работала стюардессой, меня повлекло на юг Франции, в город Экс-ан-Прованс.

Тогда меня привела туда внутренняя духовная потребность. У меня была сильная духовная связь с Божественной женственностью Франции. Эта земля дарила мне душевный покой в море расстроенных чувств и полного одиночества.

В двадцать один год я уволилась с работы и переехала в Экс. В кармане у меня лежали пятьсот долларов и бумажка с адресом, который дал мой коллега. С ним я случайно познакомилась несколько недель назад.

Через четыре месяца после приезда меня свалил недуг. Канун Рождества для меня обернулся острым приступом аппендицита и инфекционным воспалением почек. Более чем достаточно.

Приютившая меня семья отвезла постоялицу в больницу. Они поднялись на второй этаж позвать меня выпить с ними по случаю праздника, и увидели, что я лежу без сознания на полу своей комнатенки. Мне вовремя удалили лопнувший аппендикс, и я девятнадцать дней провалялась в больнице. Вместе со мной в палате лежала столетняя старуха Меме (французы произносят Меймей – «бабушка»). Она страдала старческим слабоумием, и под Рождество сломала ногу.

Меня она не замечала, но, скованная гипсом, все время болтала о ангелах, своей семье, давно почившем муже, давних обидчиках, призраках и духах – то есть обо всем, что только взбредет в голову. Слушая бессвязные речи Меме, я подтянула свой французский – правда с подозрительным провинциальным оттенком.

В итоге, благодаря упорной учебе и до нелепости счастливым «случайностям» я сдала экзамены и была зачислена в бесплатную учебную программу Сорбонны. Так странно и нелепо может быть только во Франции. Двери призывно распахнулись передо мной.

В студенчестве я чуть ли не каждый год бывала во Франции, в том числе и в Париже. В моей любви к Франции я была не одинока. Мои дочери еще маленькими девочками выбрали Французский лицей в Чикаго.

Итак, Армагеддон завершился переездом в новую страну. Ничего разумнее я придумать не смогла. И я, и Сабрина были во Франции как дома. Дочери после долгих и пустых отношений с приятелем тоже хотелось перемен. Париж позволял задвинуть наши проблемы в дальний угол, он был надежной гаванью в туманном и коварном океане.

Первым делом надо было решить, где мы остановимся – хотя бы на первых порах, чтобы иметь возможность спокойно оглядеться. Сабрина дневала и ночевала на сайте «Эйрбиэнби»[5 - «Эйрбиэнби» (Airbnb) – сайт аренды жилья за рубежом. Прим. перев.]. Она прочесала его вдоль и поперек, выискивая, самые модные апартаменты в самых модных районах.

После честных поисков мы решили поселиться в XVIII округе, на холме Монмартр возле базилики Сакре-Кёр. Оттуда открывается панорамный вид на город, и по слухам именно там оттягивается парижская богема.

Я согласилась поселиться на Монмартре, хотя в мою бытность в Париже, это был криминальный район с секс-шопами и дансингами, которые мы обходили за версту Сабрина убедила меня, что именно там сегодня кучкуются богемные девицы, и поэтому мы решили, что лучше места нам не сыскать.

Богема я или нет, но мне хотелось осесть на новом месте – тем более в моем-то состоянии. Да, я, как утопающий за соломинку, отчаянно ухватилась за идею, стараясь не захлебнуться в моей боли. Но на самом деле мечтала о покое – нет, жаждала его.

Сабрина продолжала поиски на сайте и через неделю нашла объявление: «Сдаются прекрасные двухспальные апартаменты люкс в нескольких шагах от Сакре-Кёр в самом современном XVIII округе». Цена была весьма доступной.

Когда дочь показала мне фотографии и прочла объявление, я была в восторге.

– Снимем на три месяца, – решила я. – Остановимся там, а потом, на месте придумаем, как быть дальше.

Так мы нашли жилье.

Отправления и прибытия

Дни до отъезда слились в одну серую мглу. Мы погрузились в лихорадочные сборы, и у нас не хватало времени ни на тревоги, ни на мысли о прошлом и будущем. Хлопот было выше головы. Вещей мы с Сабриной накопили столько, что впору было открывать бутик с галантерейной лавкой в придачу. В тяжелых раздумьях стояли мы над горой «самого необходимого», без которого, как нам казалось, не прожить и дня, и прикидывали, что из всего этого при разумном подходе можно будет впихнуть в чемодан.

Зная, что скоро придется оформлять долгосрочные визы, я узнала, какие документы нужны для этого. Список оказался длинным и включал в себя договор найма, причем договор от «Эйрбиэнби» не годился.

До отъезда оставались считанные дни. Мы уже сидели на чемоданах и заказали такси. Пришло подтверждение от «Эйрбиэнби». Гора одежды так и осталась лежать у дверей. Мы вошли в азарт, и нас ничто не могло остановить.

Затем случилось невероятное. За два дня до нашего отъезда, седьмого января в одиннадцать часов тридцать минут утра по парижскому времени два брата – Саид и Шериф Куаши – со штурмовыми винтовками наперевес ворвались в парижский офис сатирического еженедельника «Шарли Эбдо». Двенадцать человек были убиты. Раненых еще больше. Друзья, родные – все в один голос умоляли нас отложить поездку.

Солгу, если скажу, что не считала их правыми. Такое – и в Париже! Немыслимо! Безумие какое-то. В городе и окрестностях был объявлен план перехват, полиция охотилась за преступниками. Через два дня после начала операции еще один террорист застрелил офицера полиции, потом зашел в бакалейную лавку в еврейском квартале и расстрелял еще четверых.

Я же продолжала стоять на своем и всех уверяла, что нам ничто не угрожает. Да, наше решение уехать и в лучшие времена нельзя было назвать разумным. Мы ехали по зову души, и оттого я была твердо уверена, что нам ничего не угрожает.

Вечером девятого января мы вылетели рейсом 985 Чикаго-Париж авиакомпании Юнайтед Эйрлайнс.

Когда мы приземлились, небо затянуло серыми тучами, на землю упали легкие капли дождя. Самолет мягко коснулся земли. Мы смотрели друг другу в широко распахнутые глаза и думали в унисон: «О Боже, мы здесь». Глупо хихикая, мы подхватили вещи и вышли из самолета навстречу мечте. Мы возбуждены, мы встревожены, но нас голыми руками не возьмешь!

Получили багаж и доверху завалили им тележку. Упихивая его, я молилась: «Боже, благослови Costco[6 - Costco – сеть американских магазинов. Прим. перев.] за их вместительные и дешевые чемоданы».

До сих пор не могу понять, как нам удалось погрузить все это хозяйство на изящные дохлые тележечки, а тем более дотолкать эту гору до выхода. Шесть больших чемоданов. Три поменьше. А на тележечках едва умещаются два. Впрочем, чемоданы были на колесиках, поэтому мы с Сабриной взяли по тележке, навалили на нее по два больших чемодана, уравновесили двумя маленькими – и покатали вперед.

Конструкция вышла, мало сказать, ненадежная. Через каждые пару сантиметров то один из чемоданчиков падал на пол, то у тележек заедало колесики, и весь гуляй-город замирал на месте. И мы снова и снова укладывали и перекладывали багаж.

Не было сил терпеть эту муку, и мы в раздражении обзывали дурацкий путь к выходу самыми неприятными словами.

– Мама, подожди! – крикнула Сабрина. Я оглянулась и увидела, что с ее доверху нагруженной тележки сверзились два чемоданчика, и она пытается пристроить их обратно – при этом не теряя самообладания.

Я покатила тележку дальше, и тут настала моя очередь впасть в гнев. Колесико чемодана заклинило и оно отлетело.

– Чтоб тебя! Свинство какое! – простонала я. – Чего еще ждать от дешевой поделки! Одно слово – дрянь.

И я поволокла калеку за собой по полу. Вот тут мое терпение лопнуло окончательно. Как же нас все это достало! Мы переглянулись и... зашлись в смехе.

– И надо было переть с собой все это добро, – пожаловалась я.

Я глазами поискала в толпе нашего водителя. Мы договорилась, что он напишет на табличке мою фамилию и будет ждать нас.

Никого.

– С меня хватит, – дошла до ручки вконец обессиленная Сабрина. – Ни на йоту больше не сдвинусь. Кому надо, обойдут!

И верно, пусть отдышется. Я оставила ее сторожить вещи, а сама пошла искать нашего таксиста.

Я было вконец отчаялась, и тут вижу – стоит, голубчик. У другой стены вестибюля. Сияет, скалится в белозубой улыбке. Лет тридцати пяти. Держит табличку с моей фамилией. Едва наши глаза встретились, он сразу сделал шаг навстречу.

– Мадам Чокет? – пронзительно крикнул он через весь зал и замахал табличкой.

– Да, – ответила я по-французски, вздыхая с огромным облегчением. Нашелся, наконец. – Это я.

Он перешел на английский, что оказалось очень кстати, ибо мой несчастный мозг болтался в черепе как желток в яйце, и весь мой французский вдруг упорхнули, что твоя пташка в окно.

– Добро пожаловать в Париж, – сказал он. В его голосе чувствовалась доброта и неподдельный энтузиазм. – Я ваш шофер Жюльен. Помочь с багажом?

– Сделайте одолжение, – я махнула рукой в сторону Сабрины, которая стояла в паре метров, погребенная под горами оставленного на ее попечение багажа.

– Ого, – воскликнул он, завидев все наше хозяйство. – Вечно вы, американцы, тащите с собой в отпуск гору вещей.

Я рассмеялась:

– Да мы, Жюльен, не в отпуск. Мы жить приехали...

– Ого, – не дал мне договорить он. – И как это вы, американцы переезжаете в другую страну едва ли не с пустыми руками?

Вот чего нам не хватало, чтобы разрядить обстановку – здорового чувства юмора.

– Вперед, – скомандовал он сначала по-французски, а затем по-английски, забрал у Сабрины одну из тележек и твердым шагом направился к выходу, призывно помахивая рукой, будто экскурсовод. У дверей нас ждал огромный фургон.

Я достаточно долго прожила в Париже, чтобы понять – жизнерадостный, услужливый, очаровательный Жюльен появился в нашей жизни не просто так. Здесь явно постарались ангелы. Не будь их, перед нами бы возник мрачный молчун. Толку бы от него было как от козла молока. От нашего же Жюльена исходила мощная успокаивающая энергетика.

– Жюльен, вы ангел! Спасибо за отзывчивость и доброту.

– Без проблем, – пропел он. – Это моя обяз-з-анность!

Мы с Сабриной переглянулись, про себя поблагодарили Бога и ударили ладонью о ладонь. Мы отправлялись в великое, но непредсказуемое путешествие, и подоспевшая подмога была большим подспорьем.

Пока мы ехали по городу, Жюльен мило болтал. Он рассказал, что сам из Израиля, но большую часть жизни провел в Париже, любит этот город и считает его своим, хотя именно сейчас здесь нелегко из-за последних терактов.

Ближе к дому он заметил, что район мы выбрали, «забавненький».

– На одной стороне улицы – крутая, модная и юная богема, – пояснил он. – а буквально через дорогу – наркопритоны.

Мы с Сабриной вытаращили глаза от изумления. Но он невозмутимо продолжал:

– Интересно, на какой стороне улицы придется жить вам.

И усмехнулся.

– XVIII округ – это причудливая смесь выходцев из африканских и арабских стран, – продолжал он. – Нищета, наркотики, преступность. Но, как я уже сказал, этот округ может быть прелестен и очарователен – надо лишь оказаться на правильной стороне улицы. Да и базилика Сакре-Кёр – жемчужина в венце Парижа.

Нас с Сабриной охватила тревога.

– А что если наша сторона улицы окажется «не той», – вслух размышляла я.

Жюльен рассмеялся:

– Значит, вы не побоялись перейти ее.

Тут уж рассмеялись все трое. Подъезжая к дому, мы увидели поток людей, плывущий по тротуарам – все в одном направлении.

Только я открыла рот спросить, что это значит, как Жюльен опередил меня. Оказывается, сегодня манифестация, иначе говоря, демонстрация на площади Республики в честь национального единства и снятия угрозы последних терактов. Он сказал, что на демонстрацию выйдет весь Париж, миллионы горожан, должны выступать и главы зарубежных стран. Он тоже пойдет на демонстрацию, вот только высадит нас у подъезда. Участие в демонстрации – его гражданский долг.

Возле подъезда я поняла, что имел ввиду Жюльен, когда назвал этот район подозрительным. Типы всех возрастов с сигарками в зубах кучковались вокруг, подпирали стены домов, злобно переругиваясь по-арабски. Определенно, это была совершенно не та красивая картинка, которая возникает в мечтах о Париже. Везде передвижные лотки и забегаловки национальных кухонь, воздух пропитан запахом горелого масла. Улицы загажены, стены домов обезображены беспорядочными, уродливыми, красными и черными пятнами граффити – настоящим оскорблением чувства прекрасного и могильным камнем жизни в «прекрасном Париже».

– Вы уверены, что адрес правильный? – спросила я.

– А как же, – сказал Жюльен, тормозя у подъезда.

– Вот вы и дома. Добро пожаловать! – весело крикнул он, тыча пальцем в здание на левой стороне. – И знаете что? Вам повезло! Вы оказались на правильной стороне улицы. Только не ходите туда – он указал вправо, – и все у вас будет хорошо.

Часть вторая

Старуха

Дом, милый новый дом

В последние годы я много раз приезжала в Париж, а когда училась в Сорбонне, то жила во французской семье, но в этом районе бывала от случая к случаю и никогда не задерживалась надолго. Теперь-то понятно почему От него веяло жестким страхом и неуверенностью в завтрашнем дне.

При слове «Париж» представляешь площади, зелень бульваров, величественные здания. Здесь все не так. С другой стороны, и наш приезд был более чем необычным. Все пережили потрясение – Париж. Весь наш район. И я. Мы стоили один другого.

Пока Жюльен выгружал наши чемоданы, я набрала код подъезда массивного здания серого камня, и оказалась в прихожей нижнего этажа, как называют во Франции первый этаж. Тишина и покой.

Стоя в прихожей в кромешной тьме, я шарила по стене в поисках выключателя, пока наконец не обнаружила его справа от входа. Стал виден просторный холл с великолепными зеркалами в позолоченных рамах по обеим стенам, в глубине, у задней стены – небольшой лифт. Я еще раз набрала код, толкнула чемоданчиком двери, и они распахнулись.

Когда я обернулась, Жюльен уже закатил в холл последний чемодан.

– Удачи вам, дамы. Будьте осторожнее, – сказал он, весело махнул на прощанье рукой. И исчез.

Мы с Сабриной переглянулись. Только сейчас мы с ней в полной мере осознали, в какой угодили переплет.

– Вот мы и на месте, – постаралась я разрядить обстановку. – Дом, наш милый дом.

Сабрина рассмеялась:

– Хотелось бы верить.

Квартал нас очень смущал, но мы решили идти напролом, наперекор всему. Надо было затащить багаж наверх, на второй этаж, где хозяйка должна была передать ключи.

Взглянув на самый миниатюрный из всех встречавшихся мне лифтов, я поняла, что сможем поднимать только по одному чемодану за раз. Было решено разработать систему.

– Ты загружай по чемодану, а я их там буду встречать, – сказала я. – С последним поднимайся сама.

Наверх вела винтовая лестница с широкими и истертыми за долгие годы деревянными перилами, покрытыми блестящим лаком. Дом был старым, но полным величественного обаяния, к которому нельзя было остаться равнодушным.

За дверями кипел плавильный котел народов, а внутри этого внушительного здания царило старосветское умиротворяющее французское обаяние и благородство. Как же должны были любить его те, кто отпирал и запирали здесь двери, кто полировал перила лестниц.

– Мама, я начну загружаться, – крикнула Сабрина снизу.

Раз за разом я останавливала груженный лифт и выволакивала чемоданы.

На маленьких площадках каждого этажа располагались по две квартиры. Я работала аккуратно, чтобы не шуметь в воскресное утро – не хотелось произвести на соседей плохое впечатление.

Едва была выгружена последняя сумка и Сабрина поднялась наверх, как появилась хозяйка. Впрочем, не совсем так. Настоящий хозяин был продюсером и жил в Бруклине. Здесь всем заправляла его поверенная – Анжелика.

Она была само радушие и доброта, но я не могла не заметить, с каким ужасом она смотрит на груды багажа, сваленную возле дверей.

Она небрежно заметила, отпирая дверь:

- Вы же здесь только на три месяца, верно?

- Да, все правильно, - ответили мы. - На три.

Голуби

Пусть квартал и был более чем подозрительным, мы с Сабриной были готовы занять наши новые «люксовые» апартаменты и с нетерпением ждали, пока Анжелика откроет дверь. Воспоминания о двух изумительных фотографиях на сайте «Эйрбиэнби» будоражили наше воображение.

Но лишь только дверь отворилась и мы вошли в прихожую, как нас придавил груз реальности, Перед нами - грязная стеклянная стена упирается в потолок. За ней был виден внутренний дворик, на дне которого с курлыканьем копошилась серая масса, которая при ближайшем рассмотрении оказалась стайкой вонючих голубей. Они нагло глазели на нас.

Вонь валила с ног. Анжелика поспешила извиниться:

- Да, я знаю. Но вы привыкнете.

Мы ожидали всего, но такого... Какие там фотографии, какие описания на сайте «Эрнбиэнби»! Время будто застыло. Мы смотрели на голубей, голуби - на нас. Мы с Сабриной недоуменно переглянулись: что тут скажешь?

Молчание длилось секунд двадцать, потом Анжелика вывела нас из оцепенения: не хотим ли мы продолжить осмотр квартиры?

– Разумеется, – сказали мы и сами удивились. Прошли в большую залу. Это была двойная гостиная с потолками три метра шестьдесят и стенами, выкрашенными в цвета мела – в типичном французском стиле. В одной половине, напротив огромной плазменной панели, вмонтированной в стену над мраморным камином, стоял большой низкий диван с грязно-серой обивкой. В другой половине за диваном располагался красивый большой каменный обеденный стол на двенадцать персон. Возле старого разбитого шкафчика с пошлым сервизом висело несколько дешевых ламп.

Заднюю стену занимала писанная маслом пастушья идиллия. На столе в углу – китайские солдаты из папье-маше. В дальнем конце комнаты – три больших окна от пола до потолка, сквозь которые в комнату лился свет. Из окон, занавешенных накрахмаленными до синевы белыми льняными шторами, открывался вид на обе стороны улицы нашего подозрительного района. Окна в какой-то мере искупали убожество самой квартиры, и мы прилипли к ним, как мухи к банке меда.

Потрясающим ловкачом был тот фотограф, который заставил эти две комнаты выглядеть куда величественнее, грандиознее и роскошнее, чем на самом деле. Это определенно был его творческий успех – мы-то въехали сюда.

Онемев, мы с Сабриной ходили за Анжеликой по пятам. Она снова повела нас мимо атриума в дальнюю часть квартиры.

– Здесь ванная комната, – сказала она, показывая на каморку напротив кухни. Там была крохотная душевая кабина, раковина и миниатюрная стиральная машина под столешницей. По другую сторону от атриума расположился туалет – еще теснее.

– А вот и кухня, – продолжала она, резко обернувшись и показывая нишу размером с корабельный камбуз – с микроволновкой возле двойной духовки, однокамерным холодильником и окошком в углу. Все, что нам было нужно, только очень, очень маленькое.

Осмотр продолжался. Мы сделали шаг назад и увидели две столь вкусно разрекламированные спальни.

Строго говоря, спальня была одна, только разделенная посередине временной перегородкой, отчего каждое помещение ужалось настолько, что в них с трудом втиснулось по кровати – односпальная в одну, двуспальная в другую. Какие уж тут чемоданы! В каждой комнатке возле кровати было окно от пола до потолка. Тесненько...

– Это и есть две спальни? – не поверила я.

– Да, – ответила Анжелика с таким видом, будто не понимала, отчего у меня такой тон.

– Они же крохотные, – выдохнула я, когда мы заглянули внутрь. Там едва хватало места на двоих. Мысленно я переместилась в огромную хозяйскую спальню и ванную с джакузи, которую на днях оставила в Чикаго, и на мгновение задумалась: «Где была моя голова, когда я решилась на такой обмен?»

– Для Парижа это нормально, – настаивала Анжелика.

И я знала, что она не обманывает.

– Ладно, – глубоко вдохнула я, – Пожалуй, все. Впрочем, еще один вопрос, – вспомнила я, когда Анжелика уже собиралась уходить. – А где шкафы?

– Шкафы? – посмотрела она на меня как на полоумную. – У нас здесь нет шкафов.

– А куда же прикажете одежду класть? – спросила я, вспомнив об ожидающей нас в прихожей горе барахла.

– Да вот сюда, – Анжелика провела нас обратно в дурно пахнущий атриум у входной двери и указала на стенку из икеевских ячеек, поставленных одна на другую до самого потолка.

– У вас много места для хранения! – Она сияла от радости, что нашелся предмет интерьера, который, по ее мнению, искупает все недостатки нашего нового

«гламурного» жилья.

– Здесь можно сложить все вещи.

Мы с Сабриной недоверчиво посмотрели на стенку. Кой черт занес нас сюда? Кто дернул нас внести плату за три месяца вперед?

Хоть плач, хоть смейся.

– И последнее, – сказала Анжелика, прежде чем уйти. – Включите, и будет тепло. – Она махнула в сторону маленького калорифера, встроенного в стену гостиной. – Но на ночь и перед уходом его надо отключать. Иначе придется доплачивать за электричество, а это очень дорого.

Только теперь я поняла, что мы так и не сняли зимние пальто, а изо рта у нас едва не валит пар – так холодно в квартире.

– Ладно, – ответила я. – Разберемся.

Анжелика передала нам ключи и сказала, что мы, если что, звонили ей, хотя сама она преподает в школе и сможет ответить только после уроков и в выходные.

Едва она ушла, мы занесли чемоданы в квартиру, свалили их у стены, а затем рухнули на диван, придавленные грузом новых впечатлений. Посидели, помолчали, пожали плечами, переглянулись и в один голос сказали:

– Раз уж приехали, засучим рукава. Дело-то небольшое.

И, чтобы не дать унылому жилью победить нас, я бодро добавила:

– Выше голову. Мы в Париже! Плохо ли?

Вдруг Сабрина зашлась от хохота:

– Знаешь, мама? – сказала она отсмеявшись, – Эта квартира похожа на старуху. И пахнет так же.

– Боже, Сабрина. Точно! – расхохоталась я ей вслед. – Вот и будем звать это место Старухой.

Мы расстегнули пальто, подошли к большим окнам и распахнули их настежь, чтобы впустить свежую струю. Видит Бог, квартире это было нужно.

Солидарность

К уходу Анжелики стрелки часов показывали два, и вдруг мы поняли, что проголодались.

– Собирайся, – сказала я Сабрине, стараясь забыть о перелетной усталости. – Найдем, где поесть, а потом, может, купим какую-никакую мебель, обставим квартиру.

Спуститься мы решили по винтовой лестнице, чтобы не тесниться в крошечном лифте. Я едва не покатила со стертых воощенных ступеней.

Нарезая круг за кругом по лестнице, мы заметили, что на каждом этаже по две квартиры, а внизу маленький дворик, куда выносят мусор. Слева, на нижем этаже, была квартира консьержа.

Практически в каждом здании Парижа есть такой. Его задача – заботиться о доме, содержать его в чистоте, доставлять письма и вообще следить за порядком. Я бывала в домах, где консьержи напоминали питбулей, что стоят за свое добро насмерть – всякий раз, проходя мимо, я дрожу от страха. А бывала и в таких домах, где консьержи – люди милые, добродушные, приятные в общении. Но как бы то ни было, все они – истовые служаки, и с ними всегда лучше дружить – даже если просто проходишь мимо. А уж если тебе выпало

быть одним из жильцов... В другое время мы обязательно задержались бы и познакомились, но тогда мы слишком устали и проголодались.

Снаружи люди все шли и шли целыми толпами. Семьи всех национальностей, дети в колясках, большие компании друзей, старики и молодежь. Весь этот поток направлялся к площади Республики, расположенной в X округе, километрах в полутора от нашего дома. Там было сердце манифестации против терактов. Как сказал Жюльен, там соберется весь город, и, судя по тому, что мы видели, он отнюдь не преувеличивал. Туда шли все.

Однако голод повел нас наперерез толпе. К своему удивлению, мы вскоре поняли, что поднимаемся вверх, на Монмартр, к Сакре-Кёр, царящей на холме над городом. Эти извилистые улочки с очаровательными кафе, бутиками и ресторанами, где сегодня обедают главным образом туристы, образуют такой пестрый и волшебный район, что мы и думать забыли об усталости и «люксовой» квартире. В начале девятнадцатого века на Монмартре было полно маленьких художественных мастерских, ночных клубов и кабаре. На рубеже веков, в так называемую Прекрасную эпоху, этот район стал приютом таких знаменитых художников, как Сальвадор Дали, Модильяни, Моне, Тулуз-Лотрек, Мондриан, Писсарро Пикассо и Ван Гог [7 - Сальвадор Дали (1904–1989) – испанский художник, скульптор, режиссер, писатель. Амедео Модильяни (1884–1920) – итальянский художник и скульптор. Клод Моне (1840–1926) – французский художник-импрессионист. Анри де Тулуз-Лотрек (1864–1901) – французский художник-постимпрессионист. Пит Мондриан (1872–1944) – нидерландский художник-абстракционист. Камиль Писсарро (1830–1903) – французский художник-импрессионист. Пабло Пикассо (1881–1973) – испанский и французский художник-граф и к, скульптор, театральный художник, керамист и дизайнер. Винсент Ван Гог (1853–1890) – нидерландский художник-постимпрессионист. Прим. перев.]. Позднее район пришел в упадок, и в мои студенческие годы это место скорее отталкивало, чем привлекало. Однако в последние годы Монмартр пережил период бурного возрождения, молодые художники и современные предприимчивые люди ставили торговые палатки, открывали художественные галереи, трендовые рестораны и модные кафе. Их заведения соседствовали с более традиционными, в стиле Прекрасной эпохи, где предлагались классические меню, что создавало неповторимую парижскую атмосферу смешения классики и современности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В оригинале «courage» (англ). Прим. перев.

2

«Неудержимая. Тысяча километров пешком по легендарному пути Камино де Сантьяго», М.: Эксмо, 2017 год. Прим. перев.

3

Камино де Сантьяго (Путь Святого Иакова) – знаменитая паломническая дорога к могиле апостола Иакова Зеведеева в испанском городе Сантьяго-до-Компостела. Прим. перев.

4

Лейк Шор Драйв – шоссе вдоль озера Мичиган в Чикаго. Прим. перев.

5

«Эйрбиэнби» (Airbnb) – сайт аренды жилья за рубежом. Прим. перев.

6

Costco – сеть американских магазинов. Прим. перев.

7

Сальвадор Дали (1904–1989) – испанский художник, скульптор, режиссер, писатель. Амедео Модильяни (1884–1920) – итальянский художник и скульптор. Клод Моне (1840–1926) – французский художник-импрессионист. Анри де Тулуз-Лотрек (1864–1901) – французский художник-постимпрессионист. Пит Мондриан (1872–1944) – нидерландский художник-абстракционист. Камиль Писсарро (1830–1903) – французский художник-импрессионист. Пабло Пикассо (1881–1973) – испанский и французский художник-граф и к, скульптор, театральный художник, керамист и дизайнер. Винсент Ван Гог (1853–1890) – нидерландский художник-постимпрессионист. Прим. перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/choket_sonya/probuzhdenie-v-parizhe-rodit-sya-zanovo-ili-soyti-s-uma

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)